

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

**Юй Цзе «Общество ревнителей русского исторического просвещения в
память императора Александра III: коммеморативные практики и
политическая конъюнктура, 1895–1914 годы»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история**

В настоящее время в исторической науке уделяется пристальное внимание обоим темам, которым посвящена рецензируемая диссертация, – сообществам консервативных деятелей и мыслителей, а также практикам работы с памятью, или коммеморациям. Обе темы активно подвергаются переосмыслению, выходят исследования, которые позволяют уточнить место консерваторов в процессах модернизации дореволюционной России, выявить их мировоззренческие ориентиры и способы самоорганизации, оцениваются способы использования представлений о прошлом для тех или иных задач настоящего. В этом смысле тема диссертации представляется вдвойне актуальной. В ней анализируется деятельность организации, которая на протяжении всего своего существования позиционировал себя как оппозиционная не только тому кругу идей и практических решений, которые можно ассоциировать с попытками продвижения к конституционалистской перспективе, но даже прагматическим бюрократическим решениям, не аранжированным в должной мере ценностями, свойственными эпохе императора Александра III. И к тому же эта организация уделяла самое пристальное внимание именно определенной, идеологически выдержанной выработке представлений о прошлом – как давнем, так и совсем актуальном, относившемся к 1880-м – началу 1890-х гг. Наконец, следует согласиться с автором диссертации в том, что изучаемое в работе сообщество не просто представляло собой круг лиц, придерживавшихся консервативных установок и не только пыталось пропагандировать определенные взгляды на события истории России XVIII–XIX вв., но и стремилось такого рода

«коммеморативными практиками влиять на Николая II, его династическое окружение, а также на представителей высшей бюрократии» (с. 4). Поэтому изучение Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (далее – ОРРИП) представляет интерес в том числе и для рассмотрения политической истории империи конца XIX – начала XX в.

Исходя из такой – фактически даже уже не двойной (консерваторы и коммеморации), а тройной (консерваторы, коммеморации и политическая конъюнктура) – фокусировки, объект и предмет диссертации представляются правильными и точными: в первом случае это – ОРРИП и система его коммуникаций, а во втором – практики «мемориализации образа Александра III и времени его царствования как непререкаемой политической ценности», а также встраивание подобных практик в общественно-политическую жизнь страны (с. 5). Обоснованными выглядят цель и задачи работы: цель органически вытекает из объекта и предмета диссертации, а задачи позволяют в полной мере реализовать цель и решаются в соответствующих структурных частях основной части исследования.

Благоприятное впечатление производит изложение автором использованной методологии. Исследовательница не ограничивается лишь перечислением хорошо известных принципов и методов исследования, но и показывает, как такие приемы работают применительно к анализируемому источниковому и историографическому материалу.

Основной части предшествует обстоятельный историографический раздел. Следует отметить, что исследовательница не сводит свой обзор к рассмотрению литературы, посвященной только ОРРИП. Таких работ сравнительно немного, и уделение внимания только им не позволило бы в должной мере контекстуализировать полученные в диссертации результаты. Историография по теме делится на три группы. Первая группа – это труды по исторической памяти. Рассмотрение коммеморативных практики ОРРИП обязывает соотнести такой исследовательский подход с наработками в области *memory studies*, чтобы обосновать правомерность избранного диссертантом взгляда на деятельность

этого общества. Вторая группа представлена исследованиями российских коммеморативных практик второй половины XIX – начала XX в. Таких работ также не очень много, это в основном изучение юбилейных кампаний. Эти исследования важны именно как примеры приложения *memory studies* к реалиям эпохи, рассматриваемой в диссертации. Наконец, работы третьей группы посвящены непосредственно ОРРИП. Следует отметить, что исследовательница предельно дотошно подошла к обзору трудов этой группы. В частности, подробно разобраны кандидатская диссертация и другие публикации петербургской исследовательницы А.А. Мещениной: показано, что именно сделано этим автором для реконструкции истории ОРРИП, и отсюда становится понятно, в чем новизна рецензируемой диссертации. С той же точки зрения разбираются исследования О.В. Белоусовой и Д.А. Андреева, которые анализируют роль С.Д. Шереметева в создании и деятельности ОРРИП. То есть в целом историографический обзор создает целостное впечатление о состоянии изученности темы диссертации в российской и зарубежной историографии.

Так же обстоятельно представлен и обзор источников. Они классифицированы по принятой схеме. Дается оценка информативной ценности каждой источниковой группы. Очевидным достоинством диссертации является использование автором значительного массива неопубликованных материалов, представленных в основном делопроизводственными материалами ОРРИП, хранящимися в фонде этого общества № 747 РГИА, а также документами личного происхождения из фонда Шереметевых № 1287 РГАДА. Что касается фонда общества в РГИА, то материалы из него уже были представлены в диссертации А.А. Мещениной. Поэтому при повторном обращении к материалам, уже введенным в научный оборот, диссертантка отмечает данный факт. Однако основной массив делопроизводственной документации ОРРИП из РГИА привлекается для анализа впервые. Это касается в первую очередь информации, представленной в третьей главе диссертации, в которой говорится о структурных подразделениях ОРРИП и местных отделах общества. Некоторые документы из шереметевского фонда, к которым обращается автор, также уже

были использованы, в частности, О.В. Белоусовой и Д.А. Андреевым. Однако автор диссертации, отмечая сам факт состоявшегося обращения к этим материалам, использует их по-новому: акцентирует внимание на тех их фрагментах, которые при беглом освещении предшественниками были проанализированы недостаточно глубоко. В связи с использованием в диссертации рукописных материалов самого С.Д. Шереметева следует особо отметить, что его рукописи чрезвычайно трудно дешифруются из-за плохого почерка графа. Поэтому его ценный в информативном отношении дневник и переписка до сих пор в должной мере не используются исследователями. И тот факт, что диссертантка сумела расшифровать рукописи Сергея Дмитриевича, существенно повышает ценность проделанной ею работы.

Первая глава диссертации посвящена начальным опытам мемориализации образа Александра III в конце 1894 – 1895 г. и созданию ОРРИП. Глава состоит из двух параграфов. В первом из них разбираются как раз шаги разной идеологической направленности по формированию памяти о скончавшемся императоре. Автор рассматривает три примера. Первый – это создание апологетического образа в специальном мемориальном издании, подготовленном редакцией «Московских ведомостей» и вышедшем в конце 1894 г. Второй пример представлен противоположным – негативным и дискредитирующим – образом в изданной в среде радикальной русской эмиграции брошюре. Наконец, третий пример – это попытка нейтральной коммеморации Александра III английским журналистом Чарльзом Лоу. Этому третьему примеру уделено больше всего внимания в данном параграфе. Автор проводит обстоятельные источниковедческие изыскания, чтобы определить, каким источниками пользовался Лоу. По ходу исследования диссертантка расшифровывает псевдоним одного из авторов Лоу и определяет, что под ним скрывался ирландский журналист Эмиль Диллон. Может возникнуть вопрос о целесообразности уделения столь пристального внимания негативной и нейтральной коммеморациям как не связанным непосредственно с темой диссертации. Однако все разобранные примеры важны, поскольку

реконструируют тот общий мемориальный фон, на котором возникло ОРРИП. И источниковедческая реконструкция книги Лоу важна в том числе и для того, чтобы показать, как формируется память, которая далеко не всегда определяется строго выверенными и валидными источниками.

Второй параграф посвящен уже непосредственно созданию ОРРИП. Он написан на материалах С.Д. Шереметева, анализ которых позволяет автору сделать исключительно значимый вывод, что мотивацией для консолидации единомышленников графа и создания специальной структуры, которая стала бы заниматься культивированием памяти об Александре III, стала не столько сама потребность в мемориализации императора, сколько политическая конъюнктура, а именно – опасение, что молодого царя воспрянувшие сторонники Великих реформ развернут в направлении продолжения политики его деда. Отсюда становятся понятными и намерения Шереметева заручиться поддержкой Д.С. Сипягина – наиболее статусного на тот момент лица в окружении графа, занимавшего пост главноуправляющего Канцелярией прошений. Обращает на себя внимание предпринятая в этом параграфе на основе материалов личного происхождения реконструкция событий: из нее видно, какие опасения были у инициаторов создания общества, на чью поддержку они рассчитывали, кого считали своими оппонентами, как рассматривали предстоящую работу по «историческому просвещению» русского общества.

Во второй главе разбираются непосредственно сами коммеморационные практики ОРРИП. Это и непосредственно конструирование памяти об Александре III, и то, как в своего рода отраженном свете таких коммемораций организовывалось памятование ушедших из жизни видных членов ОРРИП. Специально рассматривается периодическое издание общества – журнал «Старина и новизна», в котором предпринимались попытки сформулировать видение прошлого, в том числе и достаточно отдаленного, с позиций идеологии ОРРИП. Наконец, важным разделом главы является изложение истории работы над биографией Александра III и поэтическим сборником, посвященным его памяти. Материалы данной главы позволяют составить подробное впечатление

о том, что собой представляла работа общества. Наибольший интерес в этой главе представляет реконструкция запутанной и конфликтной истории выбора автора для написания биографии Александра III между С.С. Татищевым и В.Н. Лясковским, в которую оказались втянутыми даже император Николай II и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Эта история наглядно демонстрирует, насколько политизированной была деятельность ОРРИП, причем даже не столько в смысле его противостояния либеральным начинаниям или даже просто бюрократическому этосу, не содержащему в себе ауры служения престолу, сколько именно с точки зрения раскладов в окружении действующего самодержца и его взаимоотношений с членами династии.

Третья глава содержит информацию о структурных подразделениях ОРРИП. Автор совершенно обоснованно выбрал для подробного рассмотрения библиотечную деятельность общества как включающую в себя самые разные аспекты – и организационные, и историко-идеологические, и издательские – и работу основных местных отделов. Создание и функционирование библиотек общества показывает, с какими трудностями сталкивалось ОРРИП, какую конкуренцию и с кем именно ему приходилось выдерживать на местах. Библиотечная работа также наглядно выявляла определенные группы внутри самой организации и позволяла судить о том, какие между ними существовали отношения.

Хочется особо остановиться на обширном параграфе главы, посвященном местным отделам ОРРИП. До диссертантки никто не уделял им должного внимания в силу того, что реконструкция их деятельности предполагает глубокое погружение в делопроизводственные материалы ОРРИП. О местных отделах в общем говорится в диссертации А.А. Мещениной, существует только одна работа о Виленском отделе общества. И этим исчерпывается историография вопроса. Однако именно анализ работы на местах позволяет выявить проблемы, с которыми сталкивалось ОРРИП, понять место этой организации в общем спектре общественных структур уже после 1905–1906 гг. Исключительно интересна история создания Московского отдела, представленная не только по

делопроизводству, но и по личной переписке Шереметева и главы отдела И.Ф. Тютчева. Следует также подчеркнуть, что именно работа местных отделов позволяет составить подробное представление о функционировании ОРРИП после реформ 1905–1906 гг.

Положения, выносимые на защиту, полностью подтверждаются текстом основной части диссертации и отражаются в ее выводах. Работа прошла основательную апробацию: три из пяти публикаций автора напечатаны в высокорейтинговых изданиях.

Вместе с тем, несмотря на указанные сильные стороны, работа не лишена и определенных недостатков.

Во-первых, в историографическом разделе автор перечисляет российские и зарубежные исследования исторической памяти, показывает направления, которыми занимаются конкретные ученые. Однако в данном случае следовало бы четко обозначить, как именно эти работы были использованы для раскрытия темы диссертации, чьи подходы и каким образом оказались задействованными для анализа практик ОРРИП.

Во-вторых, автор упоминает работу израильской исследовательницы В. Каплан «Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX – XX века)», опубликованную в сборнике статей, посвященных как раз коммеморативным практикам в дореволюционной России. В данном случае следовало бы отметить, что эта работа стала частью ее монографии “Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia”, вышедшей в США в 2017 г. И эту монографию следовало бы проанализировать при рассмотрении историографии второй группы.

В-третьих, ценным опытом анализа коммемораций русских самодержцев является фундаментальный труд американского историка Р. Уортмана «Сценарии власти». В нем разбираются не только сценарии действующих монархов, но и рецензии ими презентаций власти их предшественников, то есть фактически те же самые коммеморативные практики. Для темы настоящей диссертации было бы полезно детальное ознакомление с этим трудом.

В-четвертых, понятно намерение автора в первом параграфе первой главы уделить преимущественное внимание реконструкции западного – нейтрального – образа Александра III и его царствования. На этом примере можно наглядно продемонстрировать приемы формирования определенным образом заданной и оформленной памяти. Что касается апологетики и дискредитации, то в этих примерах приемы собственно самой фабрикации мемориального образа просматриваются несопоставимо хуже. Но всё это автору следовало бы четче объяснить, иначе возникает недоумение по поводу столь пристального внимания к книге Лоу в диссертации, посвященной совершенно иной с идеологической точки зрения коммеморации.

В-пятых, параграф третьей главы, посвященный местным отделам, было бы интересно дополнить материалами из местной печати. В диссертации представлена именно внутренняя «кухня» подразделений ОРРИП на местах. То, как складывались их отношения с обществом, прослеживается преимущественно по делопроизводственной документации. В то же время именно местная печать, как правило, оперативно реагировала на значимые для того или иного региона события, поэтому использование такого источника позволило бы более рельефно рассмотреть функционирование местных отделов.

Однако сделанные замечания не снижают общей высокой оценки работы и могут рассматриваться как рекомендательные и рассчитанные на будущее. Думается что автору непременно следует продолжить изучение темы, дополнить диссертацию новыми материалами и подготовить к изданию монографию по истории общества. Исследовательница продемонстрировала высокий уровень источниковедческой и археографической квалификации. В диссертации систематизирован и проанализирован уникальный материал, который существенно дополняет имеющиеся в историографии сведения о деятелях русского консерватизма конца XIX – начала XX в.

На основании сказанного можно сделать вывод, что диссертация Юй Цзе отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание

диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Юй Цзе заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Котов Александр Эдуардович

Контактные данные:

тел.: +7 (812) 328-94-48, e-mail: a.kotov@spbu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Тел.: +7 (812) 328-94-48. E-mail: spbu@spbu.ru

Подпись Котова А.Э. заверяю:

7.12.2023

ДИРЕКТОР НАЧАЛЬНИКА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
И. А. КРЕМЛЕНКО